

Любовь и тайна

Читайте романы Татьяны Корсаковой

- Хозяйка колодца
Третий ключ
Дом у Чертова озера
Пепел феникса
Слеза ангела
Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Час перед рассветом
Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут

Татьяна
Корсакова

Колдунья,
или ПРОКЛЯТЫЙ
ДАР

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Оформление обложки *Е. Черновой*

Корсакова, Татьяна.

К69 Колдунья, или Проклятый дар : [роман] /
Татьяна Корсакова. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. — 352 с. — (Любовь и тайна. Ро-
маны Татьяны Корсаковой).

ISBN 978-5-699-69352-8

Как часто счастье и беда ходят рука об руку! Ася смогла убедиться в этом, когда на костер ее внезапно вспыхнувшей любви обрушился ледяной ветер ненависти, ведь, чтобы спасти своего возлюбленного, девушке пришлось заключить союз с чуждыми человеку силами. Ася прошла через многие испытания, преодолела страх, не раз рисковала собственной жизнью, и за эту смелость ей дан особый дар. Только вот принесет ли он счастье?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-69352-8

© Корсакова Т., 2014
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Ася. 1943 год

Асю разбудил грохот. Как была, босиком и в ночной сорочке, лишь накинув на плечи батину телогрейку, она выскочила во двор.

Небо над Сивым лесом горело и вздрагивало от пулеметных очередей, на сером предрассветном фоне черные силуэты самолетов были похожи на гигантских летучих мышей.

– Ой, лишенько, – послышался за спиной испуганный мамкин голос. – Подбили, ироды!

Мама стояла на крыльце так же, как и Ася, полуголая и босая. Запрокинув бледное лицо к небу, она крестилась и шептала что-то неразборчивое, наверное молитву.

Комсомолка Ася в силу молитв не верила и этой мамкиной набожности даже стеснялась. Бог тут не поможет, а кто поможет, она не знала, просто испуганно всматривалась в мечущиеся в небе черные тени, прислушивалась к вспарывающим тяжелые апрельские тучи пулеметным очередям и пыталась разобрать, какая же из теней своя.

Советские самолеты прилетали в их глухой, оккупированный фашистами край очень редко, всегда под покровом ночи. Девушка слышала, как мужики шептались про Сивый лес, партизан и диверсии, а еще про помощь. Что это была за помощь, Ася никогда не спрашивала, не маленькая уже, сама все прекрасно понимает. В Сивом лесу, в самых глухих его уголках, прячутся партизаны. Да что там прячутся! Глупость какая! Борются с фашистскими гадами, устраивают диверсии, подрывают вражеские поезда, приближают, как могут, победу. Вот к ним, партизанам, и летают самолеты. Наши самолеты...

– Ася, шла бы ты в хату, донька! – Мама перестала креститься, ее стиснутые в кулаки руки были прижаты к груди, а в глазах стояли слезы.

Самолетов было четыре, три вражеских и один наш. Мамка оказалась права, наш подбили. Теперь он летел низко-низко, едва не касаясь крыльями старых сосен, оставляя за собой дымно-огненный хвост...

– Прыгай! – взмолилась Ася, до рези в глазах всматриваясь в небо. – Ну прыгай же, родненький!

– Ася, иди домой! – Мама обняла ее за плечи, потянула назад в хату. – Мы ему ничем не поможем, только беду накличем.

Подбитый самолет раненой птицей пикировал вниз, в самую лесную чащу. А может, и не в лес вовсе, а в самую топь. Отсюда, с крыльца, невозможно было точно понять, где заканчивается лес и начинается болото. Самолет падал, фашистские «мессеры» кружились над ним, точно стервятники, не оставляя летчику ни малейшего шанса на спасение.

– Ну прыгай же! – заорала Ася во все горло, и в ту же секунду мама испуганно зажала ей рот рукой.

– Донька, что ж ты творишь? Себя не жалеешь, других пожалей. Вдруг услышат?..

– Пусть! – Ася вырвалась из маминых объятий, снова запрокинула голову к небу. Там, среди туч и огненных вспышек, распускался гигантский серый цветок. Одуванчик – подумалось некстати, маленький, беспомощный одуванчик. Парашют планировал медленно, слишком медленно. Не успеет...

– Не успеет... – эхом повторила мама. – Господи, да что же это?..

– Успеет! – Ася упрямо тряхнула головой. – Мама, это же военный летчик! Наш летчик! Мама, он не может погибнуть вот так!

Точно в насмешку над ее наивной верой, купол парашюта схлопнулся, и летчик камнем полетел вниз...

– Вот и все. – Мама снова перекрестилась. – Донька, не нужно тут стоять, пойдём в дом.

– Мам, – Ася шмыгнула носом, – мам, а если он живой еще?

– Не живой. – Мама крепко сжала ее руку и потянула в хату. – Ася, ты видела, с какой высоты он упал? Ты видела, куда он упал? Это же дрыгва¹, Ася! – Уже в сенях она замерла, внимательно всмотрелась в лицо дочери, а потом сказала: – Если жив, его наши найдут, не бросят.

– Не бросят. – Девушка поежилась от прокравшегося в дом предрассветного холода. Партизаны летчика ни за что не бросят. А вот найдут ли? Потому что одно дело – искать кого-то в лесу, и совсем другое – на Гадючьем болоте. Даже старожилы не всегда могут четко определить, где заканчивается одно и начинается другое. А сейчас еще и половодье...

¹ Дрыгва – трясина (белорус.).

Секунду-другую мама внимательно и тревожно смотрела на дочь, а затем кивнула своим мыслям, сказала устало:

– Зорьку пойдю подою. Все равно теперь уж не уснуть. А ты, если хочешь, поспи. Рано еще.

– Посплю. – Ася кивнула, вслед за матерью прошла из сеней в хату, прислонилась к теплomu печному боку, прикрывла глаза. – Я тут на припечке полежу. Что-то холодно.

Мама оделась быстро. Натянула юбку, кофту, сунула ноги в галоши, повязала на голову платок, набросила телогрейку, уже выходя из хаты, еще раз внимательно посмотрела на Асю, хотела было что-то сказать, но лишь молча покачала головой.

Как только за ней захлопнулась дверь, Ася отклеилась от печи, заметалась по комнате, собираясь. Действовать нужно было быстро, пока мама не подошла Зорьку. Одежда, сапоги, телогрейка... Краюха хлеба, кусок сала, шкалик с самогоном, чистый рушник, если вдруг придется перевязывать раны. Вот, кажется, и все. Наверное, нужно написать маме записку, но на это уже не осталось времени. Сбитого летчика могут искать не только партизаны, но и фрицы.

Ася сунула припасы в торбу, торбу – себе за пазуху, для надежности. Оно-то, конечно, время раннее, но осторожность лишней не будет. Мало ли кто повстречается, какие станет задавать вопросы. На вопросы Ася уже и ответ придумала: идет с гостинцами к бабе Малаше в соседнюю Васькавку. Васькавка как раз на другом краю Сивого леса, если не углубляться в чащу, а шагать краем. Баба Малаша – мамкина двоюродная тетка, одинокая и старая, ей помощь нужна.

Из дому выйти незамеченной удалось, а вот из деревни... Ася была уже у поселкового кладбища, покосив-

шимися крестами и старыми могилами врастающего в опушку Сивого леса, когда ее окликнули:

– Эй, красавица, далеко собралась в такую-то рань? – Захар Прицепин, поселковый староста и первейший фашистский прихвостень, опирался на деревянную палку и смотрел на Асю с внимательным прищуром.

Ася мысленно застонала, потому что хуже Захара мог быть только какой-нибудь фашист. Да еще и не факт, что хуже. Фашист по-нашему не понимает, да и нет ему дела до какой-то местной девчонки, а Прицепину до всего дело есть.

Стараясь не смотреть на деревянную чурку, еще в ранней молодости заменявшую Захару потерянную ногу, Ася улыбнулась.

– И тебе доброго здоровьечка, Захар Степанович. К бабе Малаше я, спину у нее прихватило.

– А под фуфайкой что? – Вот ведь ирод, ничего-то от него не утаишь!

– Да так, гостинцы. – Чувствуя, как по спине стекают холодные ручейки, Ася из последних сил старалась выглядеть беззаботной.

– Гостинцы, говоришь? – Захар подошел вплотную. Молодой, статный, красивый – если бы не больная нога, быть бы такому на фронте, а он тут фашистским прихвостнем. И плевать, что люди говорят, что Прицепин на фронт самый первый рвался. Рваться, может, и рвался, да вот только сейчас он не советский человек, а доверенное лицо у фрицев. Староста... – А не покажешь гостинцы-то?

– А тебе зачем? – Ася отступила на шаг, но Захар поймал ее за рукав телогрейки, с силой потянул к себе.

– А я просто так интересуюсь, на всякий случай. – Черные цыганские глаза смотрели с неверием. – Показывай!

Высвободившись из цепких лап Прицепина, Ася вытащила из-за пазухи торбу. Захар изучал ее содержимое с мрачным пристрастием, а потом спросил:

– А самогон зачем?

– Для притирок! – сказала Ася зло. – Я же говорю, у бабы Малаши спину скрутило. – Она выдернула торбу из рук старосты, сунула обратно за пазуху. – Ну что, теперь мне можно идти, Захар Степанович?

Это еще хорошо, что рушник обмотала вокруг талии, а так бы пришлось выдумывать, зачем бабе Малаше рушник...

– Видела, над Сивым лесом самолет сбили? – вдруг ни с того ни с сего спросил Захар.

– Ничего я не видела! – Ася на старосту не смотрела, старательно застегивала пуговицы на фуфайке.

– А я видел. Летчик вроде бы успел выпрыгнуть...

– Это ты к чему? – Липкие лапы страха снова коснулись кожи между лопаток.

– Это я к тому, что герр Фишер приказал организовать в лес поисковую экспедицию. – Захар помолчал, рассматривая пуговицы на Асиной фуфайке, а потом продолжил: – С собаками и пулеметчиками.

– И зачем ты мне все это рассказываешь, Захар Степанович? – Ася поежилась.

– Да просто так, чтобы не попалась по бабьей своей дури им на пути.

– Я в Васьковку иду! – Она с вызовом вздернула подбородок. – Мне ваш лес без надобности.

– Это хорошо, что без надобности. – Захар растянул губы в холодной усмешке, черные глаза недобро блес-

нули. – Бабе Малаше привет передавай и пожелания скорейшего выздоровления.

– Непременно!

Не дожидаясь, пока староста скажет еще хоть слово, Ася обошла его по большой дуге и едва ли не бегом бросилась прочь. Принесла же нелегкая волка колченогого! Еще чего доброго станет у бабы Малаши интересоваться, приходили ли к ней гости. Видать, надо будет зайти, чтобы не было никаких подозрений...

Ася шла по склизкой после прошедшего ночью дождя дорожке и спиной чувствовала направленный на себя взгляд Прицепина. Хоть бы он про фрицев с собаками сбрехал...

* * *

– ...А вот тут у нас четырнадцатая палата. – Петрович, совершенно спитого вида дядька в лоснящемся от бесконечного и бесконтрольного употребления халате, остановился перед обитой коричневым дерматином дверью, в которой как раз на уровне глаз имелось забранное мелкой решеткой окошко.

«Прямо как в тюрьме», – недобро подумалось Матвею.

– Это для буйных, что ли? – спросил он, с отращением рассматривая некогда позолоченную, а сейчас облезшую дверную ручку.

– Ну как сказать?.. – Петрович пожал сутулыми плечами, шмыгнул красным, усыпанным сосудистыми звездочками носом. – Можно и для буйных. Оборудована она как надо, сам видишь. – Он с непонятной гордостью кивнул на окошко. – Но

вообще-то это блатная палата, ее сам главврач ведет. Так что тут всякие клиенты встречаются: то буйные, то тихие, но все непростые — вот!

— А сейчас там кто? — спросил Матвей устало.

Двухчасовая экскурсия по этой образцово-показательной частной психиатрической лечебнице уже успела вселить в душу тоску и уныние. Может, лечебница и в самом деле образцово-показательная — никаких других Матвею видеть вообще не доводилось, — но до чего ж мрачная! И вот странное дело: вроде бы сделано все на совесть, даже как-то нарочито красиво и радостно, стены выкрашены в веселый небесно-голубой цвет, линолеум на полу вполне себе новый и чистый, цветочки в кадках, жизнеутверждающие плакатики в красном уголке, шторы канареечного оттенка, но вот отчего-то сразу понятно, что место это необычное, насквозь пропитанное людскими страданиями и годами копившимся, уже почти коллективным, душевным нездоровьем. Может, из-за запаха? Неистребимой, с самого порога шибящей в нос смеси дезсредств, лекарств и безнадёжности. Какая именно нота отвечала за безнадёжность, Матвей пока не вычленил, но четко понимал — в этом старом трехэтажном особняке она поселилась давно и, по всей вероятности, надолго. Ладно, экскурсию бы Матвей как-нибудь пережил, за свои неполных тридцать он и не такого успел навидаться, но тут ведь не экскурсия! В этом неприятном месте, ловко маскирующемся под элитное лечебное заведение, ему предстояло работать санитаром. Отныне у него в коллеггах спившийся Петрович, а в начальниках лощеный тип с бегающими глазками

и самодовольной физиономией. Как там его? Егор Васильевич Стешко, кажется. Молодое дарование, светило психиатрии и подающий какие-то там надежды научный сотрудник.

Главврач Матвею не понравился с первого взгляда, было в нем что-то неправильное, ненастоящее, точно за личиной добропорядочного и всеми уважаемого гражданина прятался не совсем адекватный тип. Матвей даже мысленно окрестил его доктором Джекилом, а потом устыдился своих поспешных выводов. Ведь вполне может статься, что на лицо молодого дарования и светила психиатрии наложила отпечаток специфика его работы, этакая профвредность. Вот только уж больно он молод, чтобы пострадать от профвредности. Сколько ему? На вид двадцать пять — двадцать семь, не больше. Сопляк, а уже при регалиях. Не иначе как блатной...

— Алена Михайловна там сейчас. — Всю дорогу балагуривший и сыпавший медицинскими байками Петрович вдруг приосанился и на мгновение стал похож не на конченого пропойцу, а на вполне нормального мужика.

— А Алена Михайловна у нас кто? — поинтересовался Матвей, пытаясь поверх плеча Петровича заглянуть в забранное решеткой оконце.

— Из наших она, из медиков. — Петрович отчего-то досадливо покачал лысеющей головой. — Доктор она... была. Вроде бы даже с главным на одном курсе училась. Оттого он ее к себе и взял по старой дружбе, из профессиональной солидарности, так сказать. Это ж дорого сейчас — лечиться в стационаре. Да еще таком, как этот. Так что сам видишь...

Матвей еще раз посмотрел на дерматиновую дверь с тюремным окошком и подумал, что солидарность какая-то уж больно сомнительная. Интересно, как к ней относится сама Алена Михайловна?

— А чего она у вас отдельно? — спросил он, понизив голос до шепота. — Совсем, что ли, буйная?

— Сам ты буйный! — с укором сказал Петрович. — Нездоровая она, вот что! Нездоровая! А что буйная, так не все время. Егору Васильевичу удалось правильное лечение подобрать, сейчас уже получше все.

Что получше, Матвей спрашивать не стал, вместо этого задал другой вопрос:

— Эта блатная палата тоже в нашем ведении?

— Ага, — Петрович положил заскорузлую, похожую на корягу ладонь на дверную ручку. — Раньше тут Григорьевна управлялась, но пару месяцев назад решили, что мужчине ловчее будет. Особливо после того, как Алена Михайловна...

Что такого сделала пациентка блатной палаты с санитаркой Григорьевной, Петрович так и не сказал, вместо этого порылся в карманах халата и вытащил на свет божий увесистую связку ключей. На связку Матвей посмотрел с нескрываемым удивлением. Как объяснил сам Петрович, в целях безопасности почти все двери в отделении не имели ручек и открывались универсальным ключом, дубликат которого был в наличии у каждого медработника — от лечащего врача до санитара. Нормальных дверей в этом ненормальном месте раз два и обчелся... Тогда зачем же столько ключей?..

— Люблю я, понимаешь, это дело. — Петрович с нежностью посмотрел на свою связку. — И они меня любят. Верить, не я их нахожу, они сами меня находят. Иду, а они то под ногами, то просто в замках забытые. Как же можно бросить? Это ж плохо, когда они бесхозные...

Да, бесхозные ключи — это плохо, хуже может быть, только когда санитар обращается со своими железками как с живыми...

А ведь Галка предупреждала! Специально статьи подсовывала со всякими психиатрическими страшилками, пыталась отговорить. Да только он не из пугливых, у него, может быть, своих собственных странностей на половину этой психушки хватит.

— Петрович, а мы в блатную палату зайдем? — спросил Матвей, отчасти чтобы перевести разговор в более конструктивное русло, а отчасти из-за того, что устал стоять перед закрытой дверью.

— А ты думаешь, я тебя сюда привел, чтобы свою коллекцию показать? — Санитар с неуловимой для взгляда проворностью выцепил из связки нужный ключ, вставил его в замочную скважину, а потом, через плечо оглянувшись на Матвея, строго сказал: — И чтобы мне это... С уважением чтобы! И не пялься на нее, она этого не любит.

— Не буду пялиться, — заверил Матвей, но, оказавшись в блатной палате, тут же забыл о своем обещании.

Палата была самой обыкновенной. Он уже мысленно приготовился узреть обитые стегаными матами стены и стопку смиренных рубашек, но вместо этого увидел железную кровать, белую